

Загоскин Михаил Николаевич

Брынский лес

**Исторический роман из первых годов
царствования Петра Великого**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Николаевич З.**
Брынский лес: Исторический роман из первых годов царствования Петра Великого / За-
госкин Михаил Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 317 с.

ISBN 978-5-519-85461-0

ISBN 978-5-519-85461-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

дѣтей: на его юномъ и прекрасномъ челѣ лежала печать помазанника Божія. Избранникъ небесъ, переродитель Россіи, онъ и въ дѣтскихъ годахъ удивлялъ всѣхъ своимъ умомъ, твердостію и безстрашіемъ. Всѣ его ребяческія забавы, всѣ дѣтскія потѣхи имѣли высокую, безсмертную цѣль, которую, можетъ-быть, отгадывала одна Софья. Еще нѣсколько лѣтъ и это порфирородное дитя будетъ самодержавнымъ, мощнымъ царемъ, съ которымъ всякая борьба сдѣлается невозможною. Слѣдствіемъ этого предвидѣнія были безпрестанные мятежи, возмущенія стрѣльцовъ и заговоры, всегда клонившіеся къ тому, чтобъ погубить державнаго отрока Петра, который былъ не подъ силу Софѣ Алексѣевнѣ, несмотря на то, что ее называли премудрою.

Прежде, чѣмъ я приступлю къ моему разсказу, мнѣ должно познакомить читателей съ тоглашнимъ, единственнымъ въ Москвѣ, сборнымъ мѣстомъ, или, если хотите, гуляньемъ всѣхъ праздныхъ людей, зѣвакъ, вѣстовщиковъ, охотниковъ до новостей, разныхъ промышленниковъ, а иногда и людей, имѣющихъ важныя замыслы. Это гулянье, или лучше сказать, сходбище, на которомъ, по словамъ иностранныхъ писателей, народъ толпился каждый день съ утра до вечера, это сборное мѣсто, напоминающее римскій форумъ — называлось, и теперь называется, Красной площадью; только нынѣшняя во многомъ не походитъ на прежнюю. Покровскій соборъ, то-есть церковь Василія Блаженнаго, Лобное мѣсто и Спасскія ворота—вотъ все, что осталось въ прежнемъ видѣ. Вмѣсто нынѣшнихъ красивыхъ и легкихъ Никольскихъ воротъ возвышалась тяжелая четырехугольная башня съ небольшою вышкою и воротами, которыя также назывались Никольскими. Кремль отдѣлялся отъ Красной площади не такъ, какъ теперь, одной высокой стѣною, — ихъ было три, одна другой выше; надъ зубцами внутренней, то-есть самой высокой стѣны, была деревянная крыша, точно такая же какъ теперь надъ оградю

Троице-Сергіевской лавры. Выше кремлевскихъ стѣнъ блистали, какъ и теперь, главы соборовъ, монастырскихъ церквей и сіялъ въ вышинѣ златой крестъ Ивана Великаго. Направо къ Никольскимъ воротамъ, за стѣною Кремля, виднѣлась кровля дома боярина Бориса Михайловича Лыкова; налѣво къ собору Василия Блаженнаго, высоко подымались огромныя хоромы ближнихъ бояръ, Ивана Васильевича Морозова и князя Якова Куденетовича Черкаскаго. У Иверскихъ воротъ, которыя тогда назывались Каретными и Воскресенскими, существовала уже часовня Иверской Божіей Матери, разумѣется, не теперешняя, а построенная въ 1666-омъ году, по указу царя Алексѣя Михайловича; нынѣшняя существуетъ съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ. Тогдашніе ряды или гостинный дворъ былъ кирпичный съ деревянными постройками; онъ раздѣлялся на четыре двора: старый, новый, соляной и рыбный; въ первыхъ двухъ были ряды и амбары, въ послѣднихъ отдѣльныя лавочки, шалаши, балаганы и палатки. Лучшіе ряды были: панскій, суровскій, фряжскій и венецейскій. Кругомъ Лобнаго мѣста и по всей Красной площади разбросаны были такъ же лавочки, шалаши и балаганы, въ которыхъ торговали шапками, рукавицами, всякимъ мелочнымъ товаромъ и съѣстными припасами. Вблизи отъ Лобнаго мѣста стояло невысокое каменное зданіе, на плоской кровлѣ котораго лежали двѣ огромныя мѣдныя пушки — это былъ домъ земскаго приказа или полиціи. Изъ двухъ улицъ, выходящихъ на Красную площадь, нынѣшняя Ильинка была замѣчательна тѣмъ, что на ней, подъ открытымъ небомъ, происходило то, что въ наше время дѣлается обыкновенно по домамъ или въ особенно заведенныхъ для того комнатахъ. На этой улицѣ стригли волосы, и, вѣроятно, посѣтителі этихъ воздушныхъ *salon pour la coupe des cheveux* были очень многочисленны. Олсарій, жившій въ Москвѣ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, говоритъ, что въ этой улицѣ всегда лежали на землѣ

остриженные волосы такими толстыми и густыми слоями, что проходящимъ казалось, будто бы они ходятъ по тюфякамъ.

Въ 1682 году, вскорѣ послѣ перваго стрѣleckаго бунта, въ ясный лѣтній вечеръ, на Красной площади, на которой, по обыкновенію, толпился народъ, одинъ молодой человѣкъ стоялъ, прислонясь къ наружной стѣнѣ Лобнаго мѣста. Онъ былъ видный и прекрасный собою мужчина; его темноглубымъ глазамъ съ черными рѣсницами, румянымъ щекамъ и мягкимъ шелковистымъ кудрямъ позавидовала бы любая московская красавица; по его одеждѣ не трудно было отгадать, что онъ принадлежитъ къ числу младшихъ начальниковъ стрѣleckаго войска. Этотъ молодой человѣкъ смотрѣлъ задумчиво и съ примѣтной грустію на рабочихъ людей, которые спѣшили окончить кирпичный довольно высокій столбъ, сооружаемый на самой срединѣ площади; по временамъ онъ бросалъ также исполненный презрѣнія взглядъ на отвратительную толпу продавцовъ, которые почти всѣ были стрѣльцы. Они явно и безъ всякаго опасенія продавали вещи, награбленныя ими во время мятежа. Ихъ буйныя и дерзкія рѣчи, наглость, съ какою они зазывали или, лучше сказать, тащили къ себѣ покупателей, обидныя насмѣшки, которымъ подвергались всѣ мирные граждане, не желавшіе покупать добытый разбоемъ товаръ, угрозы и ругательства, которыми эти вооруженные торгаши осыпали бѣдныхъ купцовъ, торгующихъ съ ними на одной площади, — все изобличало этотъ буйный разгулъ ослѣпленныхъ удачею мятежниковъ; они безпечно предавались своей неистовой радости и веселію, а межъ тѣмъ надъ ихъ преступными главами собиралась Божія гроза. Никто изъ нихъ не помышлялъ о страшномъ днѣ отмщенія — а этотъ день былъ уже близко.

— Что ты, горе-богатырь, такъ призадумался? — сказалъ, подойдя къ этому молодому человѣку, стрѣleckій сотникъ пожилыхъ лѣтъ и вовсе некрасивой наружности.

— А, здравствуй, Лутохинъ! — промолвилъ какъ будто бы нехотя молодой человѣкъ.

— Я и не зналъ, что ты пріѣхалъ, — продолжалъ пожилой стрѣлецъ. — Ну, братъ, понаслышались мы о тебѣ!.. Поздравляю, Дмитрій Аонасычъ!

— Съ чѣмъ?

— Какъ съ чѣмъ?.. Вѣдь ты, два мѣсяца тому назадъ, поѣхалъ отсюда въ Кострому, къ своему дядѣ Семену Яковлевичу Денисову.

— Ну да!

— И не засталъ его въ живыхъ.

— Такъ ты съ этимъ-то меня поздравляешь?

— Не съ этимъ, братецъ! Да вѣдь онъ отказалъ тебѣ свое родовое помѣстье. Ты теперь человѣкъ богатый.

— Да Богъ съ нимъ съ этимъ богатствомъ!.. Покойный дядя былъ мнѣ вмѣсто отца родного; кровныхъ у меня никого нѣтъ. Что я теперь? Одинъ какъ перстъ!

— А другой-то дядя — Андрей Яковлевичъ Денисовъ?

— Этого я знаю только по наслышкѣ.

— И я его никогда не видывалъ, а слышать-то слышалъ. О немъ идетъ много всякихъ рѣчей: иконовцы зовутъ его еретикомъ, а тѣ изъ нашихъ, которые придерживаются старины, величаютъ столпомъ православія. Да гдѣ онъ теперь?

— Богъ вѣсть!.. Покойная матушка сказывала мнѣ, что онъ сначала спасался въ Соловкахъ, послѣ жилъ за Онегою, а тамъ отправился на житье въ Стародубъ; а въ самомъ-то дѣлѣ, чай, никто не знаетъ, гдѣ онъ теперь.

— Да, это правда. Мало ли что про него болтаютъ: — говорятъ, что онъ часто и въ Москвѣ бывалъ... да еще то ли!.. Рассказываютъ, будто бы его въ одно время видали въ разныхъ мѣстахъ. Вотъ, примѣромъ сказать: ты бы сегодня подъ вечеръ повстрѣчался съ нимъ въ Костромѣ, а мнѣ бы онъ попался теперь на Красной

площади. Да это все, чай, бабьи сплетни.— Скажи-ка мнѣ лучше, Дмитрій Аонасьевичъ, ты вчера что ль приѣхалъ изъ Костромы?

— Нѣтъ, сегодня по-утру.

— Ну, братъ Левшинъ! — продолжалъ пожилой стрѣлецъ, — жаль, что тебя здѣсь не было — поработали мы!

— Да, — прошепталъ молодой человѣкъ, — поработали, да только кому? Вѣдь можно поработать и Господу и сатанѣ?

• — Сатанѣ?.. Что ты, что ты, — перекрестись!

— Пожалуй, у меня рука подымется: я не мятежникъ и не убійца.

— Да что жъ ты, Левшинъ, въ самомъ дѣлѣ! — вскричалъ пожилой стрѣлецъ. — Да развѣ мы бунтовщики какіе? Вѣдь мы послужили царю нашему Іоанну Алексѣевичу и нашей матушкѣ царевнѣ Софѣѣ Алексѣевнѣ.

— А Петра-то Алексѣевича ты забылъ?..

— Ну, что жъ?.. Вѣдь и онъ также царствуетъ.

— Поработали! — продолжалъ вполголоса молодой человѣкъ. — Хороша работа!.. Какъ то вамъ будетъ отвѣчать на томъ свѣтѣ, коли на этомъ еще не отвѣтите!.. Страшно подумать... сколько ближнихъ бояръ, знаменитыхъ сановниковъ!..

— Экій ты, братецъ, какой! Да слышь ты, они всѣ были измѣнники!

— Измѣнники? Неправда!.. Да если бъ и такъ: измѣнниковъ судить царь и дума боярская, а мы что за судьи?

— Что за судьи!.. Видишь ли ты этотъ столбъ?

— Вижу.

— А знаешь ли, что онъ строится съ дозволенія нашей матушки-царевны Софьи Алексѣевны?

— Знаю.

— А вѣдомо ли тебѣ, что его ставятъ здѣсь ради

того, чтобы на вѣки-вѣковъ знали о нашей вѣрной службѣ и объ измѣнѣ бояръ, за которыхъ ты заступаешься?

— Все знаю—и дай Богъ, чтобъ этотъ столбъ скоро же развалился.

— Ого!.. Такъ ты этакъ-то поговариваешь, Дмитрій Аонасьевичъ?.. Да чему и удивиться!.. Вѣдь ты не нашъ братъ: ты стрѣлецъ только по имени. Отецъ твой, Аонасій Ильичъ Левшинъ...

— Что мой отецъ? Онъ служилъ стрѣлецкимъ головою.

— Знаемъ, знаемъ! А все-таки онъ былъ родовой человѣкъ. Твоя покойная матушка, родомъ Денисова, племянница князю Мышецкому, — ты самъ теперь богатый помѣщикъ: такъ пригоже ли тебѣ, такому боярину, служить въ стрѣлецкомъ войскѣ! Тебѣ бы давно ударить челомъ, чтобъ тебя перевели въ жильцы. Вѣдь отъ жильцовъ-то недалеко и до стряпчихъ; а тамъ, глядишь, роденька твой, князь Мышецкій, замолвитъ за тебя словечко ближнему боярину князю Голицыну—такъ ты какъ-разъ и въ стольники попадешь.

— Нѣтъ, Лутохинъ: гдѣ служилъ и умеръ на службѣ мой отецъ, тамъ и я буду служить.

— А коли такъ, зачѣмъ же ты говоришь такія рѣчи? Иль ты не знаешь пословицы: съ волками жить, по-волчьи выть.

— Я не волкъ, а человѣкъ, и по-волчьи выть не умѣю, — сказалъ отрывисто молодой стрѣлецъ, отходя прочь отъ Лобнаго мѣста.

Онъ не успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ другой стрѣлецкій сотникъ, почти однихъ лѣтъ и также весьма пріятной наружности, кинулся къ нему на шею и закричалъ:

— Здравствуй, братъ Левшинъ!.. Давно ли ты изъ Костромы?..

— Только-что приѣхалъ,—отвѣчалъ Левшинъ.—Эхъ, братъ Колобовъ,—продолжалъ онъ,—не чаялъ я видѣть того, что вижу! Да неужели и ты такой же кра-

мольникъ, какъ этотъ Оедька Лутохинъ, съ которымъ я сейчасъ говорилъ?

— Нѣтъ, Дмитрій Аонасьевичъ, не обижай! И я и всѣ мои товарищи исповинны въ этомъ грѣхѣ предъ Богомъ и царемъ. Сухарева полкъ, въ которомъ я служу, не измѣнялъ своей присягѣ. Сначала помутили и нашихъ ребятъ, и они было завозились, да пятисотенный Иванъ Васильевичъ Бурмистровъ, — дай Богъ ему здоровья! — сказалъ, что ляжетъ вмѣсто порога у царскихъ палатъ; вотъ они язычекъ-то и прикусили! А тамъ вышелъ пятидесятникъ Борисовъ, человѣкъ, кажись, небольно грамотный, а какъ началъ имъ толковать, что такое есть присяга, такъ всѣ, братецъ, прослезились!

— Ну, слава Богу! — сказалъ Левшинъ, — хоть одинъ полкъ! Все-таки душѣ полегче.

— Да зато ужъ, братъ, какъ другіе-то полки насъ не жалуютъ — вотъ такъ бы и проглотили, да благо нельзя!.. Вѣдь цѣлый полкъ не одинъ человѣкъ — подавишься! Знаешь-ли что, Дмитрій Аонасьичъ: тебѣ бы не худо переписаться въ нашъ полкъ. Вашъ полковникъ Бухвостовъ боленъ, такъ заурядъ править полкомъ Кузьма Ивановичъ Чермновъ, задушевный другъ Самбулову, Цыклеру и Щегловитому; а вѣдь они-то и были первыми зачинщиками мятежа. Чего добраго, коли на бѣду эти разбойники провѣдаютъ, что ты не тянешь на ихъ руку, такъ они какъ разъ тебя уходятъ.

— Какъ! безъ суда?

— Какой судъ! Скажутъ, что ты измѣнникъ — вотъ и все! Вѣдь нашъ теперешній-то набоольшій, князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, имъ съ руки: что-бъ они ни сдѣлали, все шито да крыто!..

— Эхъ, братъ Колобовъ, не хотѣлось бы мнѣ оставить полкъ, въ которомъ помнятъ еще моего покойнаго батюшку.

— Развѣ помнили, а теперь у нихъ не то на умѣ. —

Эй, Левшинъ, послушайся меня! Хочешь, я теперь же пойду къ Ивану Васильевичу Бурмистрову?.. Онъ это дѣло разомъ уладить.

— Ну-инъ быть по-твоему, — сказалъ Левшинъ. — Вѣдь по правдѣ-то сказать, и покойный батюшка не сталъ бы служить съ бунтовщиками.

— Тсъ! тише! что ты горланишь! — шепнулъ Колобовъ. — Иль тебѣ надоѣло голову на плечахъ носить? Кругомъ насъ ушей-то много — про себя, что хочешь говори, а вслухъ не моги! Вѣдь здѣсь, братецъ, на площади, расправа коротка — ни за что пропадешь!.. Ты теперь куда — домой, что-ль?..

— Нѣтъ, еще не домой. Зайду въ Успенскій соборъ поклониться святымъ угодникамъ.

— Ну, ступай, а я завтра по-утру у тебя побываю.

Левшинъ, простясь съ своимъ пріятелемъ, отправился въ Кремль. Подойдя къ Спасскимъ воротамъ, онъ увидѣлъ, что множество праздношатающихся людей всякаго состоянія и въ томъ числѣ нѣсколько стрѣльцовъ столпилось вокругъ одного нищаго. Лицо, руки и босыя ноги этого нищаго были запачканы грязью, а сверхъ посконнаго балахона, отъ котораго оставались одни только лохмотья, надѣта была черезъ плечо веревка, на которой висѣлъ плетеный изъ лыка кошель. Впрочемъ, лицо его было не безобразно, и сѣдые, распущенные по плечамъ, волосы придавали ему видъ состарѣвшагося въ трудахъ монастырскаго послушника.

— Ну, что вы пристали! — говорилъ онъ плаксивымъ голосомъ дурака, котораго раздражили. — Наладили одно да одно: „Гриша! гдѣ ты былъ? Гриша! куда ты пропадаешь?“ Такъ не скажу! На что вамъ.

— Вотъ ужъ цѣлый годъ никто тебя не видѣлъ у Спасскихъ воротъ, — сказалъ одинъ купецъ. — Мы, Гриша, думали, что ты умеръ.

— Нѣтъ, братъ, живехонекъ!..

— Н-ка тебѣ, Гриша, копеечку, — сказалъ другой купецъ.

— На что мнѣ? У меня, братъ, и своихъ копеечекъ-то было много.

— Куда-жъ ты ихъ подѣваль? — сказалъ первый купецъ.

— Разошлись по бѣлу свѣту.

— Эхъ, Гриша, Гриша! зачѣмъ же ты ихъ не берегъ?..

— Большіе колокола не вѣѣли.

Вся толпа засмѣялась.

— Смѣйтесь, смѣйтесь! А послушайте-ка сами, что колокола говорятъ.

— А что они говорятъ, Гриша?—спросилъ одинъ изъ купцовъ.

— Да маленькіе-то лепечуть: „денегъ дай, денегъ дай, денегъ дай!“ А большіе-то, видно, умнѣе маленькихъ; тѣ гудятъ: „деньги гибель, деньги гибель, деньги гибель!“

Хохотъ въ толпѣ удвоился.

— Да! вамъ смѣхъ, а мнѣ и пол-смѣха не было,— продолжалъ нищій. — Жаль было съ денежками разставаться, а все-таки большихъ колоколовъ послушался: началъ мои копеечки раздавать — бери кто хочетъ! И теперь,—прибавилъ онъ съ веселой улыбкой,—слава тебѣ, Господи, нѣтъ за душой ни полупешки!

— Гриша, — сказалъ одинъ изъ стрѣльцовъ,— спой-ка намъ Алексѣя Божья человѣка.

— Да, спой!.. Какъ-бы не такъ! Вѣдь поешь, коли на сердцѣ весело, а мнѣ плакать хочется.

— О чемъ, Гриша?

— Да есть о чемъ. Пришелъ я вчера издалека, пообносился, усталъ, намаялся. Вотъ думаю: погоди! отведу-же я себѣ душеньку; въ Москвѣ у меня пріятелей-то много: тотъ дастъ калачикъ, тотъ рубашонку, тотъ зипунъ... Дай пойду къ князю Юрію Алексѣвичу Долго-рукову. Онъ, бывало, голубчикъ, всегда меня и напоить, и накормить. Пошелъ. Стукъ, стукъ! — „Что ты?“ —

Пришелъ повидаться съ князюшкой.—„Такъ ступай на погостъ: его убили стрѣльцы“. А сынокъ-то его? „Лежитъ съ нимъ рядышкомъ“. — Ну, нечего дѣлать! Я къ князю Михаилу Алегуковичу Черкасскому. — „Приказалъ, дескать, долго жить! Убили стрѣльцы“.—Я къ князьямъ Ромодановскимъ.—„Свезли, дескать, на кладбище — убили стрѣльцы!“ Вотъ думаю: пойду къ Артамону Сергѣевичу Матвѣеву—вѣдь его стрѣльцы-то отцомъ роднымъ называли, такъ ужъ вѣрно у нихъ и руки на него не подымутся.—Пришелъ. Стукнулъ въ калитку.—„Кого надобно?..“—Артамона Сергѣевича. — „Помолись за его душу—убили стрѣльцы!..“

— Туда измѣнникамъ и дорога!—прервалъ стрѣлецъ. — А ты, Гриша, пустого-то не мели.

— Да, да! — подхватилъ другой стрѣлецъ, — ты смотри, лохмотникъ, ври да не завирайся! Пошелъ бы лучше да умылся — замарашка этакій! Руки-то всѣ въ грязи.

— И, братъ!—сказалъ нищій—Что грязь?.. Грязь ничего! Ополоснулся водицей — глядишь, и бѣлехонекъ! А вотъ какъ руки-то замараешь христіанской кровью, такъ ужъ ихъ, голубчикъ, ничѣмъ не отмоешь.

— Вотъ что выдумалъ!.. — промолвилъ третій стрѣлецъ, огромнаго роста и съ звѣрской, глупой рожею. — Ничѣмъ не отмоешь. Эва! какую околесную нестеть!

— Нѣтъ, не околесную, — подхватилъ первый стрѣлецъ. — Онъ себѣ на умѣ! Вишь, какія рѣчи говорить!

— Эхъ, братцы, — продолжалъ нищій, — погуляли, потѣшились — будетъ! пора и Богу помолиться! Вѣдь Онъ терпитъ, терпитъ, да какъ устанетъ терпѣть, такъ худо, ребята! И къ вамъ также придутъ: „стукъ, стукъ!“ — Кого надобно? „Стрѣльцовъ молодцовъ“. — Были, дескать, были, да всѣ сплыли, и напоказъ не осталось.

— Ахъ ты, воронъ зловѣщій,—завопилъ первый стрѣлецъ. — Да что-жъ ты, въ самомъ дѣлѣ, такъ раскар-